

Сяо Лю бросил на Ши Яо вороватый взгляд, робко протянул руку и указал на безмятежную небесную высь:

— Бабушка, разве вы не должны пребывать в Девяти Небесах?

Говоря это, он внимательно разглядывал собеседницу и, заметив, что та вселилась в тело демона, мгновенно перепугался до смерти. Потеряв дар речи, он испуганно воскликнул:

— Какая же беда приключилась? Почему ваш дух не полон?

Ши Яо прищурилась, её взгляд скользнул по лучам дневного света, падающим за окно, а в голосе не было слышно ни радости, ни гнева:

— Ступай к Старейшине и передай мой вопрос: жив ли еще мой Светильник Души?

А что до того, кто осмелился изменить Книгу Жизни и Смерти, — пусть явится наверх и держит ответ.

С этими словами она легко взмахнула изящной рукой, веля Сяо Лю убираться.

Сяо Лю почтительно поклонился, повернулся, обратился в клубок сизого дыма и растворился в пустоте.

Едва он удалился, лежавшая на полу Чэн Сужоу пришла в себя.

Ши Яо пристально вгляделась и заметила, что вокруг ее духовного тела, словно паутина, обвилась едва заметная нить зловещей ци. Если бы не ее пронизательный взгляд, она бы почти наверняка упустила это из виду.

Она слегка приподняла указательный палец и, словно срывая лепесток цветка, без труда вытянула эту черную нить наружу.

Ши Яо тихо пробормотала:

— Вот оно что, оказывается, заготовили такой коварный фокус.

Она чуть перевернула ладонь, и зловещая ци обратилась в дымок, который бесследно рассеялся.

Пережив подобное потрясение, Госпожа Чэн прониклась к способностям Ши Яо безграничным уважением.

Она долго и сбивчиво расспрашивала о том о сём, а получив от Ши Яо успокаивающее обещание: «Пока я здесь, с вами ничего не случится», — рассыпалась в тысячах благодарностей и удалилась, то и дело оглядываясь на ходу.

Как только Госпожа Чэн ушла, у Ши Яо изо рта показалась тонкая струйка крови. Она стерла ее тыльной стороной ладони, и в глазах мелькнула усталость.

Это тело демона все-таки слишком слабо. Стоило лишь очистить скверну да пустить в ход крохи скудной духовной энергии, как оно уже не выдержало такой нагрузки. Похоже, впредь ей придется усиленно заниматься самосовершенствованием.

Как только эта оболочка окрепнет и вернет былую подвижность, она непременно отправится странствовать по миру в поисках редких сокровищ и драгоценных трав, чтобы полностью исцелить собственную поврежденную душу.

Погруженная в раздумья, Ши Яо вдруг почувствовала неладное: за большую часть дня она так и не увидела Увана.

Она громко окликнула его пару раз, из-под тахты донеслось шуршание, и оттуда медленно выползла черная собака.

Пес бросил на Ши Яо пренебрежительный взгляд, полный высокомерия — казалось, он ни в грош не ставит ее недавние подвиги, — после чего тут же отвернулся и лениво забился обратно в тенистый угол под кроватью.

В то же время на улице Цинлун старый даос поглаживал бороду, с улыбкой принимая золото и серебро, протянутые Княжной Аньнин.

Едва коснувшись тяжелых слитков, он внезапно почувствовал во рту сладковатый привкус и изверг полный рот крови, которая брызнула прямо на расшитое шелковое платье княжны. Лицо старика вмиг побелело, а несколько прядей в волосах на макушке поседели на глазах, словно он за мгновение постарел больше чем на десять лет.

Аньнин опустила взгляд на багровые пятна, расплывшиеся по складкам юбки. Ярко-красные брызги впитались в золотистый узор сплетенных ветвей, напоминая увядшие лепестки опавшей сливы.

Она нахмурила тонкие брови, в ее глазах промелькнуло отвращение, и она холодно глянула на даоса:

— Уж не стряслось ли чего?

Старый даос хихикнул, сунул слитки в рукав своего ситцевого халата и уттер кровь с уголков

рта:

— Отвечаю княжне: в том поместье, должно быть, объявился сильный мастер. Тот человек явно уже лишился трех душ и семи тел, но кто-то умудрился разрушить мои чары.

Это я недостаточно искусен в ремесле, оплошал. — Он помолчал и похлопал себя по оттопыренному карману. — Пусть эти серебряные ляны послужат платой за мое ранение, прошу княжну простить меня.

Княжна Аньнин с досады прикусила губу, собираясь еще сильнее отчитать старика, но тот не дал ей вставить и слова:

— Хотя я и уступил в мастерстве и потерпел неудачу, кой-какими малыми талантами я все же обладаю.

Тот знаток, каким бы сильным ни был, не сможет дежурить в поместье Сяо дни напролет, не отходя ни на шаг. Если впредь княжне понадобятся мои услуги, этот бедный даос не посмеет послушаться.

С этими словами, не обращая внимания на свирепое выражение лица княжны, даос отвесил церемонный поклон и, покачиваясь, удалился.

Ветер гонял по галерее опавшие листья. Княжна Аньнин чувствовала, что ее сердце охвачено хаосом, глубоко вздохнула, подавляя раздражение, и громко приказала стоявшей навытяжку служанке:

— Помоги мне переодеться, смени это проклятое платье.

Помощник министра Сяо после утреннего доклада не успел даже снять парадные алые чиновничьи одежды, как завернул на улицу Чжуцзюэ в лавку Чжоу и купил две коробочки свежееиспеченного печенья с крабовым мясом и пирожных с цветами сливы.

Помня, что супруга издревле любит эти сладкие угощения, он поспешил обратно в поместье, но, дойдя до дверей спальни, к своему удивлению, обнаружил, что они заперты.

Медные кольца на дверях холодно блестели, во дворе царила тишина.

Только он удивился, как к нему поспешно семенила управляющая усадьбой, бледная как полотно, и низко поклонилась. Заметив ее вид, помощник министра Сяо тут же принялся расспрашивать о случившемся.

Старшая служанка не смела скрывать правду и выложила всё как на духу: о том, как днем

госпожа едва не лишилась жизни.

Сяо Чжияуань перепугался до смерти, коробка со сладостями выпала из его рук, и пирожные покатались по земле.

Его тело заледенело, душа ушла в пятки, и ему уже было не до соблюдения приличий.

Сделав два шага в три прыжка, он бросился к окну, презрев испуг служанок и слуг, задрал полы чиновничьего халата и, помогая себе руками и ногами, влез внутрь через окно.

В комнате царила тишина, вился дымок благовоний, наполняя покои безмятежной прохладой.

Сяо Чжияуань немного успокоился и увидел, что его драгоценная супруга полулежит на низкой кушетке у окна, укрытая простым шелковым одеялом. Ее глаза были прикрыты, она казалась погруженной в мирный сон, вот только лицо было бледнее обычного.

Прислушавшись к дыханию Чэн Сужоу, Сяо Чжияуань сразу понял, что та вовсе не спит. Бесстыдно улыбнувшись, он подбежал к кушетке и попытался примоститься рядом.

Едва его тело коснулось края ложа, как последовал пинок, и он полетел на пол.

Сяо Чжияуань, сидя на полу, скривился и принялся растирать поясницу, виновато прося:

— Супруга, чем же муж твой угодил в немилость? Я ведь готов искупить вину.

Чэн Сужоу медленно приоткрыла глаза и холодно произвела на свет вопрос:

— Как ты намерен поступить с этой Княжной Аньнин? Неужели хочешь, чтобы я уступила ей место хозяйки в доме Сяо?

Если у тебя, муж мой, появились другие замыслы, мог бы сказать мне прямо, я не из тех, кто не умеет уживаться с другими. Раз уж она хочет занять мое место, пусть действует открыто, к чему было изводить меня и покушаться на мою жизнь?

Сяо Чжияуань ничего не понял и поспешил оправдаться:

— Супруга, как ты себя чувствуешь? Где-то болит? А эту самую княжну я и в глаза никогда не видел!

Не сердись, во всем виноват только я, во всем моя вина. Должно быть, всё из-за этой моей несчастной физиономии, раз она навлекает на тебя такие беды. Я прямо сейчас искромсаю

себе лицо и вырву корень всех бед!

С этими словами он бросился к туалетному столику Чэн Сужоу, схватил простую серебряную шпильку и занес руку, намереваясь полоснуть себя по лицу.

Чэн Сужоу приподнялась на кушетке и равнодушно бросила:

— Решил кромсать — так кромсай, а завтра я составлю тебе компанию и вместе подадим в отставку.

Услышав это, Сяо Чжюань бросил шпильку, в несколько скачков оказался перед Чэн Сужоу, опустился на колени у края ложа и крепко обнял ее за талию, подобострастно лебезя:

— Всё-таки ты у меня самая добрая, жена моя.

Чэн Сужоу усмехнулась и легко щелкнула его по лбу:

— Сколько раз ты уже грозился изуродовать свое лицо? И хоть раз довел дело до конца?

Я лишь не ожидала, что эта Княжна Аньнин окажется столь злобной и всерьез решит погубить меня. Скажи мне правду, неужели ты и впрямь с ней не знаком?

Сяо Чжюань тут же поднял руку, клянясь небесам, и горячо заверил, что никогда не имел с той княжной ничего общего.

Он тянул жену за край одежды, одновременно извиняясь и убажывая ее сладкими речами. Эта бурная сцена заставила остатки гнева Чэн Сужоу постепенно рассеяться.

<http://bllate.org/book/19421/1901968>